

A.A. Гаджиева

«Свое» и «чужое» в бикультурном художественном пространстве (на примере повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат»)

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; albinas72@mail.ru*

Цель статьи – исследование «своего» и «чужого» в бикультурном пространстве повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат». Наше внимание привлекло использование автором иноязычной лексики в тексте.

Художественный билингвизм как факт литературного творчества не новое явление, в мировой литературе он прослеживается еще с древности.

Формы литературно-художественного двуязычия возникают из индивидуальных особенностей писателя – билингва и являются продуктом социально-исторических условий определенной эпохи. Такими условиями возникновения двуязычия в России стало освоение ею Северного Кавказа.

Учитывая биографические факты из жизни Толстого (два с половиной года, проведенные на Кавказе, увлечение языками, знание турецкого и татарского языков), мы решили изучить ситуацию двуязычия в творчестве писателя, выявить и определить языковую ветвь иноязычных слов, используемых автором, проследить в контексте условия их использования, а также цель употребления в тексте.

Помимо перечисленных задач в процессе исследования нами определены причины возникновения художественного билингвизма у Толстого, выявлены его особенности и специфика использования.

Ключевые слова: художественный билингвизм, ментальность, регионализмы, ассимиляция, двуязычная литература.

Анализ билингвального творчества предполагает изучение специфической особенности художественной речи, авторского стиля, исследование процесса взаимодействия языков, рассматривает результат познания автора действительности и создания художественного мира средствами другого языка. Авторский стиль и индивидуальность писателя формируются во взаимодействии и взаимопроникновении литератур в нестандартных условиях, в которых оказывается автор.

Именно эти факторы и побудили нас поставить целью работы исследование возникновения «ситуации двуязычия» в тексте русского писателя Льва Толстого. Предметом изучения стала повесть «Хаджи-Мурат».

«Ситуация двуязычия в художественной литературе, – как отмечает В. Турбин, – возникает там, где появляется образ чужестранца, пришельца. Пришельцем может быть воин-оккупант, интервент, может быть некий заморский гость или же иноземец-учитель...» [12, с. 99]. В основе почти всех рассказов и повестей Толстого кавказского периода лежит русско-кавказская война. Война – это всегда вынужденный контакт представителей двух и более народов, а в данном случае – русского и кавказского. Об-

раз «пришельцев»-русских (по Турбину), вторгшихся в среду аборигенов-кавказцев, порождает «ситуацию двуязычия» в реальной жизни и находит свое отражение в творчестве Толстого. Двуязычие проявляется непосредственно в диалогах между местными жителями и солдатами русской армии.

В повести «Хаджи-Мурат» «ситуация двуязычия» изображается с редкой полнотой: от междометий используемого языка до присущих ему специфических идиом. Насколько серьезно и внимательно автор изучал язык, говорит и такая деталь, как отсутствие в повести второго лица множественного числа в функции вежливого обращения. В родных языках нет обращения на *вы*. Обращение к конкретному человеку на *Вы* взято по примеру русского образца и позже использовано в дагестанских языках.

С первых же страниц повести у читателя складывается мнение о глубоком знании языков, к которым писатель обращается: «Только затихло напряженное пение муэдзина, и в чистом горном воздухе... были слышны... гортанные звуки спорящих мужских голосов...» [11, с. 10]. Толстой совершенно ненавязчиво обозначает фонические особенности чеченского языка – «гортанные звуки».

Хаджи-Мурат встречается с чеченцем Садо и разговор они ведут на кумыкском языке:

– *Не хабар?* – спросил Хаджи-Мурат старика, то есть: «что нового?».

– *Хабар иок* – «нет нового», – отвечал старик [11, с. 53].

Автор сразу без сносок делает перевод, но не указывает на каком языке идет разговор, по-видимому, предполагая, что читатель сам догадается о том, что аварец и чеченец будут говорить на кумыкском языке – общем для всех языке общения на тот период в Дагестане. В этот же разговор вплетается и ногайская речь: – *Айя!* – кивая головой, говорил Бата [11, с. 48].

О том, что это ногайская речь, читатель узнает уже по сноски автора. Все участники разговора легко понимают друг друга. Общение и понимание идет не только между представителями разных народностей Кавказа. Русские солдаты, усвоив кумыкский язык, легко общаются с местными жителями: – *Марушка, говорю, бар?* – *Бар, говорит.* – *Баранчук, говорю, бар?* – *бар...* [11, с. 49].

В сносках перевод: *бар* – есть (кум.), *баранчук* – ребенок (кум.). Но в кумыкском языке слова *баранчук* нет вообще, нет его и в ногайском, и в татарском языках. Сам Толстой писал: «Начало разрушения русско-«татарского» билингвизма на Северо-Восточном Кавказе относится к периоду Кавказской войны, когда возникает «особенное наречие», изобретенное русскими и татарами для разговора между собой. Есть много слов на странном наречии, корень которых нет возможности отыскать ни в русском, ни в татарском языках» [11, 1958, с. 102]. Об этом «странным наречии» писал и Б. Виноградов: «...в процессе многолетнего общения русских с местным населением образуется жаргон – пиджин, возникновение которого свидетельствует об обоюдном, хотя и минимальном представлении говорящих о лексическом составе языков друг друга, позволяющем как-то общаться их носителям» [3, с. 134]. Возможно, что использованное Толстым слово *баранчук* и есть новообразованное слово «странныго наречия».

Элементы двуязычия проявляются не только в диалогах, но и в повествовательной речи самого автора:

«Он спросил у Ханефи кумган, всегда возимый с собой в сумках, и, надев бурку, пошел к воде» [11, с. 67].

«Тысынсардаря...» [11, с. 67], «Скажу сардарю...» [11, с. 68].

Кумган (кум.) – кувшин; сардар (турк.) – воин, храбрец (А.Г.).

Иноязычные слова, в данном случае тюркизмы, включенные писателем в художественное творчество, несут свои определенные функции: через них происходит знакомство читателя с предметами быта, традициями дагестанского народа, они придают национальный колорит тексту, и как следствие, служат средством эстетического воздействия на читателя.

В повести, используя тюркоязычные слова, Толстой не всегда дает сноски с переводом, мы не найдем их и в примечании. Подобного рода «кописки» часто встречаются в произведениях двуязычных писателей.

Толстой порою сам не замечает, как с одного языка переходит на другой. Это же подтверждает отсутствие сносок.

«Это был аварец Ханефи, названный братом Хаджи-Мурата... [11, с. 172]. «Это был таулинец Ханефи, заведующий всем имуществом Хаджи-Мурата» [11, с. 176]. «Пока Лоренс-Меликов был в комнате нукеров, вошел и четвертый мюрид Хаджи-Мурата, аварец Ханефи... [11, с. 180].

Он определяет национальность Ханефи сначала на русском языке – аварец, а в другой раз национальность звучит на кумыкском языке, потом опять переходит на русский. «И вспомнил он (Хаджи-Мурат) таулинскую сказку... [11, с. 186].

Г. Пауль считал, что «первой фазой иноязычного влияния, как правило, является лексическое заимствование. Специфика его, как известно, заключается в том, что слово заимствуется не целиком, как грамматически оформленное слово, а только как часть лексического материала, который получает новую оформленность только в системе и средствами заимствующего языка» [9, с. 123]. Исследуемое слово, конечно, не вошло в русский язык, но показывает сам процесс ассимиляции и еще раз демонстрирует свободное владение автора кумыкским языком.

Толстой к кумыкской основе *таул-* прибавил русские суффиксы *-ин*, *-ск*. *Tay* (кум.) – гора. *Taylu* (кум.) – житель гор, аварец.

«Таулинская сказка» вследствие омонимии языка можно перевести и как *горская сказка*, и как *аварская сказка*. Учитывая, что сам Толстой несколько раз заменял аварца Ханефи на таулина Ханефи, то, скорее всего, верным переводом будет *аварская сказка*.

При изучении феномена двуязычия следует учитывать степень овладения новым языком. По мнению Е.М. Верещагина, билингвизм имеет три уровня. Первый – это понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе, второй – умение воспроизводить прочитанное и услышанное и третий – умение не только понимать и воспроизводить, но и «строить цельные осмыслиенные высказывания» [2, с. 78].

Таким образом, мы приходим к выводу, что при внимательном рассмотрении повести можно выявить, пусть не в полной мере, но все три уровня билингвизма: автор понимает иноязычную речь, умеет воспроизводить услышанное, и не только воспринимает, но и «строит осмыслиенные высказывания». Конечно, это не позволяет нам причислить Л. Толстого к двуязычным писателям, но языковое исследование даже одной повести демонстрирует глубокие знания автора языков тюркской группы, умелое их использование и позволяет нам говорить о «ситуации двуязычия» в его творчестве.

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25–60.

2. *Верецагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. – М., 2014. – 260 с.
3. *Виноградов Б.С.* Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. – Грозный, 1959. – 238 с.
4. *Гаджиахмедов Н.Э., Хочаева Ю.У., Саидова Г.С., Акавова А.И.* Структура терминов рода в кумыкском языке // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 59–62.
5. *Гасanova У.У.* Родной язык в поликультурном пространстве // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5 (72). – С. 398–399.
6. *Гусейнов М.А.* Кумыкская драматургия 1920–1930-х годов: пути развития, проблематика, поэтика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 365–369.
7. *Гаджиева А.А.* Идейно-тематические особенности повести К. Исрепиловой «Кто ты?» // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5.
8. *Джсаубаева Ф.И.* Кавказский текст: язык и культура горцев в произведениях Л. Толстого // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3 (39). – С. 98–101.
9. *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М., 1960. – 499 с.
10. *Саидов А.М., Гаджиахмедов Н.Э., Рашидов А.А.* Структурно-семантические особенности сложноподчиненного предложения в кумыкском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – № 9–2. – С. 164–169.
11. *Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат. – М., 2017. – 192 с.
12. *Турбин В.Н.* «Ситуация двуязычия» в творчестве Пушкина и Лермонтова // Лермонтовский сборник. – Л., 1985. – С. 91–103.

Поступила в редакцию 20 марта 2021 г.

UDC 82-311.2

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-81-85

«Friend or Foe» in the Bicultural Art Space (on the Example of L. Tolstoy's Story «Hadji-Murat»)

A.A. Gadzhieva

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; albinas72@mail.ru

The goal of the research is to analyse Friend or Foe dichotomy in the bicultural space in Tolstoy's story "Hadji-Murat". The attention is set on the author's use of foreign language vocabulary in the text.

Artistic bilingualism as a fact of literary creativity is not a new phenomenon, it can be traced back to ancient times in world literature.

Forms of literary and artistic bilingualism arise from the individual characteristics of a bilingual writer and are the product of socio-historical conditions of a particular era. Such conditions for bilingualism in Russia were created by exploitation of the North Caucasus.

Taking into account the biographical facts of Tolstoy's life (two and a half years spent in the Caucasus, passion for languages, knowledge of Turkish and Tartar languages), the decision was made to study the situation of bilingualism in the work of Leo Tolstoy, to identify and determine the language branch, foreign words used by the author, to trace in the context of the conditions and purpose of their use in the story.

In addition to these tasks, the author identified the causes of artistic bilingualism in Tolstoy's works, identified its features and specifics of use.

Keywords: *artistic bilingualism, mentality, regionisms, assimilation, bilingual literature.*

Received 20 March 2021